ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ.

Кто прожилъ на свѣтѣ около полувѣка и пошатался по разнымъ угламъ Руси, или служилъ тутъ и тамъ въ различныхъ вѣдомствахъ и званіяхъ, у того, если разобрать дѣло хорошенько, едва ли не во всякомъ порядочномъ городѣ найдется какой нибудь старый товарищъ, пріятель или сослуживецъ. Проѣзжая, по случаю, тысячу–другую верстъ, довольно пріятно завернуть тутъ и тамъ на отдыхъ къ доброму человѣку, если только посѣщенія эти таковы, что они не требуютъ слишкомъ затѣйливыхъ, для дорожнаго человѣка, околичностей. По этой причинѣ, если я проѣзжаю городъ, гдѣ у меня два старые знакомые, одинаково близкіе или далекіе, но одинъ изъ нихъ предсѣдатель, а другой уѣздный судья, то я всегда заверну къ послѣднему. Я знаю, что мнѣ у него будетъ спокойнѣе: онъ меня не станетъ выкуривать

изъ дому званымъ обѣдомъ, и даже не заставитъ доставать изъ чемодана виц–мундиръ и фракъ.

Такимъ–то образомъ я заѣхалъ однажды къ старому сослуживцу, котораго не видалъ много лѣтъ. Онъ не былъ даже и уѣзднымъ судьей, а жилъ на родинѣ своей маленькою пенсіей и мелкимъ хозяйствомъ, пускаясь иногда, отъ скуки, въ кой–какіе мелочные предпріятія и обороты. Послѣ распросовъ о его житьѣ–бытьѣ, а также о бытѣ жителей этого города, мы пообѣдали, отдохнули и поѣхали по городу. Пѣшкомъ тамъ никто не ходитъ: непроходимая грязь, по веснамъ и осенямъ, заставляетъ всякаго держать дешевенькихъ лошадей на дешевомъ корму; а коли держать и кормить ихъ, такъ не стоять же имъ безъ работы и въ ведро: вотъ онѣ и возятъ воду, возятъ и воеводу.

— Вотъ это домъ нашего банкира, сказалъ онъ, указывая на право: — откупщика, который поселился тутъ же на другое четырехлѣтіе, удержавъ за собою откупъ. Онъ вновь отдѣлалъ купленный

имъ для себя и для конторы домъ и выстроилъ подвалы; онъ убилъ на это тысячъ двадцать, да, говорятъ, выручилъ все въ одинъ откупъ; поэтому онъ и не дорожитъ домомъ этимъ, и если не удержитъ опять за собой откупа, то броситъ его, или отдастъ за безцѣнокъ. Постройки этого рода не красятъ города: все на живую нитку, кой–какъ, грубо, топорно, безобразно, а денегъ убито много. Вотъ эта улица вся застроена мѣщанами, которые у насъ живутъ бѣднѣе мужиковъ, и живутъ Богъ–вѣсть какъ и чѣмъ: это никому невѣдомо. Такъ и домишки ихъ, какъ видите, построены неизвѣстно изъ чего: грошовые.

— А вотъ этотъ хорошенькій домикъ, спросилъ я: — съ зеленымъ полисадничкомъ, вѣроятно помѣщичій?

— Нѣтъ, отвѣчалъ провожатый мой, у насъ помѣщики не строятъ домовъ: они не любятъ постоевъ. Да, еслибъ помѣщики стали строиться здѣсь, и проживать еще тутъ зиму — о, тогда бы городишко нашъ поправился.

— Вотъ, продолжалъ онъ, указывая на низенькій домишко плохой и самой ветхой наружности: — вотъ, напримѣръ, домъ помѣщицы, которому не пожилось, видно, на этомъ свѣтѣ! Въ этомъ домѣ жилъ коротко знакомый мнѣ человѣкъ, нѣкогда — давно уже, товарищъ мой и однокашникъ, нѣкогда очень порядочный, хоть и не мудрый, но добрый, благородный, не глупый — да женитьба погубила его, и онъ погибъ ни за грошъ! Вотъ съ недѣлю только, какъ мы его похоронили.

— Проѣзжай къ новому дому покойнаго Марка Павлыча, продолжалъ хозяинъ мой, обратившись къ кучеру: — вотъ я вамъ покажу и такъ–называемый новый домъ этого бѣдняка, а когда пріѣдемъ домой, разскажу его похожденія. Не съумѣю я разсказать все это такъ, какъ понимаю и чувствую; и смѣшно и очень глупо — а между тѣмъ покойничку было дѣваться некуда, и жаль его было такъ, что, право, ину пору радъ бы заплакать.

— Вотъ и новый домъ его: онъ выстроенъ лѣтъ тому пятнадцать, но въ

немъ никто не живетъ и не жилъ; онъ даже не совсѣмъ отдѣланъ, какъ видите: а двери и ставни заколочены на–глухо. Да, судьба этого человѣка была безтолкова. Смотрите: крыша со двора уже разсыпается, внутри, вѣрно, давно повсюду течетъ — скоро и тутъ на воротахъ напишутъ годъ сломки — а еще никто въ немъ и не жилъ! Чинить его никому: хозяинъ въ могилу — а домъ его разсыплется на мѣстѣ!

Когда мы пріѣхали домой и сѣли вечеромъ къ чаю, то я напомнилъ своему хозяину обѣщаніе его разсказать о житьѣ–бытьѣ покойнаго Марка Павловича. Покачавъ головой и разгладивъ рукой волосы, онъ началъ такъ:

— Да, былъ онъ человѣкъ, какъ человѣкъ, а сдѣлали изъ него горемыку.... Маркъ Павлычъ былъ когда–то лихимъ уланомъ, и на этомъ, какъ у всѣхъ у нашей братьи въ ту пору, стояла вся его надежда: повыгоднѣе жениться, пользуясь молодостью, молодечествомъ своимъ и мундиромъ, чтобы въ зрѣлыя лѣта, или хоть подъ старость, имѣть свой уголокъ и

пристанище — вотъ блаженныя надежды благоразумной молодёжи того времени; а отъявленные хваты заботились только о томъ, какъ бы прокутить и свое и чужое. Маркъ Павлычъ былъ человѣкъ скромный, хоть и уланъ, и года три уже какъ бредилъ невѣстами. Семейный кровъ манилъ его подъ стреху свою, къ хозяйственному очагу, въ объятія молодой жены и милыхъ дѣтокъ. Гдѣ только, бывало, услышитъ про невѣсту, не только увидитъ ее, то ужъ и готовъ хоть сейчасъ къ вѣнцу съ нею, и побаивается только того, что–де пойдетъ ли она за него, да не обманулъ бы тестюшка приданымъ, какъ было много примѣровъ передъ глазами, да не перехватилъ бы ея кто другой.... Что будешь дѣлать! такая слабость постигла человѣка! а все по добрымъ чувствамъ: по склонности къ спокойной семейной жизни.

«Вотъ и пришлось намъ постоять зиму съ полкомъ въ этомъ городишкѣ: онъ–то, правда, Маркъ Павлычъ, стоялъ съ эскадрономъ своимъ въ Голопятовѣ, да я упросилъ полковника поставить меня сюда,

потому что это, какъ вы знаете, моя родина. Вотъ Маркъ Павлычъ бѣдный, на поискѣ невѣстъ, и заѣзжалъ было ко мнѣ частенько, то душу отвести послѣ неудачи, то посовѣтоваться, то что. Здѣсь же въ то время жила — да и теперь, правда, еще живетъ, Господь съ нею — вдова, шляхтянка, дворянка, помѣщица безъ помѣстья, но съ дочерью. Чѣмъ и какъ онѣ жили и живутъ — Богъ ихъ знаетъ, этого никто не разберетъ; домишко ихъ вы видѣли, тотъ самый, который разваливается и уже лѣтъ десятокъ запрещено чинить; есть какой–то садишко и огородишко, семья людей, но ни ремесла, ни промысла — дворянка, да и полно. Говорили, что водятся у нея подъ спудомъ небольшія деньжонки, а гдѣ онѣ и сколько ихъ, никто не зналъ. Дочь, ужъ именно ни съ рожи, ни съ кожи; но кого Богъ захочетъ наказать, на того нашлетъ слѣпоту. Ротмистръ мой до того плѣнился сельскимъ одиночествомъ этой вдовы и щедроватыми щеками дочки ея, что избушка ихъ показалась ему волшебнымъ

замкомъ, неуклюжая Маша царевной Милонѣгой, а тысяча рублей, которыя обѣщала — будь она проклята — сваха, мильйономъ. Человѣкъ одурѣлъ и сталъ свататься. Такъ судьба въ петлю и потянула.

«Надо сказать вамъ, что за взбалмошная баба эта Крюкина, мать хваленой невѣсты: вѣдь ужъ, конечно, она и во снѣ не видала такого зятя, молодца, улана, стараго ротмистра; притомъ и Маша ея заневѣстилась ужъ не въ первый годъ: можно было подумать о томъ, чтобъ отдать ее, коли кто охотникъ найдется; что жъ вы думаете? сама съ сосѣдями объ одномъ только толкуетъ, что вотъ–де, дочь подросла, пора отдавать замужъ, а гдѣ нынѣ взять хорошаго человѣка? А какъ только Маркъ Павлычъ посватался, такъ она въ слезы — о чемъ? да не знаетъ какъ быть, жаль дочери, дѣло новое, она еще замужъ не выхаживала, такъ и подумать страшно. А мой бѣднякъ пуще на дыбы; день за день посылаетъ сваху — кончай дѣло, да и полно. Повѣрите ли, какія есть

бабы на свѣтѣ! Вѣдь какъ завязалось это дѣло, да бѣднякъ Маркъ присталъ къ Крюкиной со свахами своими, а та не даетъ ни отвѣту, ни привѣту — такъ вѣдь, бывало, тревогу на весь городишко подымутъ: Крюкина выйдетъ на улицу, въ палисадникъ, да реветъ и причитаетъ голосомъ, что народъ отовсюду сбѣгается; дочь стоитъ въ одномъ окнѣ, закрывается занавѣской и тожь голосомъ плачетъ, сваха лежитъ въ другомъ окнѣ, причитаетъ да уговариваетъ; а женихъ–то — царство ему небесное — прохаживается по улицѣ, за угломъ, да ждетъ отвѣта!

«Ну, такъ сякъ, сладилось дѣло, обвѣнчались. Крюкина и въ церкви выла, и дома выла, и причитала, таки вотъ ровно Машу свою въ гробъ укладывала. Тысячи рублей приданаго онъ, разумѣется, и не видалъ, а взяли его въ домъ и въ опеку, заставили вставать и ложиться по командѣ, а со двора ходить, такъ спрашиваться. Вскорѣ ему до того стыдно стало товарищей своихъ, что запустилъ онъ службу и никому почти не показывался на

глаза. Пришло время полку выступать, мой бѣднякъ Маркъ обрадовался этому, какъ царству небесному — анъ не тутъ то было: въ домѣ подняли такой содомъ, что хоть святыхъ вонъ понеси: бить не бьютъ, да и прочь нейдутъ. Я молчалъ долго, не мѣшался въ это дѣло, да, наконецъ, не подъ силу стало терпѣть: вотъ, будто чуяло вѣщее, что быть бѣдѣ — а жаль бѣдняка. «Маркъ!» сказалъ я: «послушайся стараго друга: плюнь имъ на порогъ, брось все, да иди съ полкомъ!» Онъ промолчалъ, повѣсилъ голову, а тамъ, слышу, заставили его сказаться больнымъ да подать въ отставку. Какъ услышалъ я это, такъ и подумалъ: кончено, уходили молодца; прощай, Маркъ Павлычъ!

«Мы ушли съ полкомъ, но я воротился сюда, на родину, лѣтъ черезъ десять, раненный, съ небольшою пенсіей. Первымъ дѣломъ было навѣстить стараго товарища: спрашиваю напередъ: «живъ ли?» — Живъ, говорятъ.

«Пришелъ я, остановился въ дверяхъ, да, глядя на стараго товарища,

прослезился. Вошла теща, напустилась на него, зачѣмъ–де онъ въ халатѣ принимаетъ гостей, не знаетъ никакого обхожденія, стыдитъ ее при чужихъ людяхъ и прочее, да какъ пошла писать, такъ и расплакалась объ этомъ, что не уймешь. Погоревавъ, велѣла она дочери подать мужу сюртукъ и приказала застегнуть его на всѣ пуговицы, потому что Маркъ Павлычъ кашлялъ, а она его таки поберегала — видно, думала еще, что онъ впередъ пригодится. Я молчу, смотрю, что еще будетъ. Двое дѣтей тогда только смѣли подходить къ отцу, когда бабушка была имъ довольна, когда онъ велъ себя хорошо; а нѣтъ, такъ дѣтей выгоняла, объявляя имъ съ плачемъ и рыданіемъ, что папенька ихъ мерзавецъ и чтобъ они его не знали. Жена, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, объявляла Марку Павлычу вслухъ, что она знаетъ мать свою, а его знать не хочетъ, за что мать каждый разъ обнимала ее со слезами, прибавляя еще, что онъ занапастилъ жизнь ея. А такъ какъ бѣдный Маркъ Павлычъ въ подобныхъ случаяхъ, вздохнувъ, прибѣгалъ

къ единственной утѣшительницѣ своей, трубкѣ, которую набивалъ и сосалъ молча, повѣсивъ носъ, то заведено было подымать ревъ и плачъ въ домѣ, изрыгая проклятія на эту трубку, которая дѣлаетъ Марка Павлыча нечувствительнымъ и равнодушнымъ ко всѣмъ страданіямъ его семейства; и, наконецъ, дочь, по приказанію вопящей матери, не разъ отбирала это зловредное орудіе у мужа, сдавая его матери подъ часы, и несчастный скучалъ и томился безъ трубки по цѣлымъ днямъ, до благодатной мировой съ женой и тещей, при чемъ никогда не зналъ, за что ссорились съ нимъ и за что мирились. Какъ бы то ни было, но теща скоро смекнула, что бѣдный Маркъ Павлычъ безъ трубки не могъ прожить сутокъ, что онъ дѣлался подъ страхомъ этого наказанія плаксивымъ и малодушнымъ и мирился, подписывая безотговорочно всѣ условія, хоть бы его заставили наложить на себя самого руку. И этимъ–то средствомъ она и пользовалась, вмѣстѣ съ дочерью, подчинивъ себѣ несчастнаго Марка Павлыча.

«Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ я своего бѣдовика. Вы поймете, что намъ съ нимъ не приходилось часто видѣться, особенно же я посѣщалъ его рѣдко. Жаль мнѣ было его, какъ брата, да пособить было нечѣмъ: самъ себя погубилъ. Не стану больше докучать вамъ описаніемъ постылой жизни Марка Павлыча: я доскажу вамъ только замѣчательную исторію его новаго дома.

«Маркъ получалъ небольшую пенсію, безъ которой умеръ бы съ голоду въ домѣ тещи и жены, и которая иногда, подъ конецъ трети, служила хотя небольшой острасткой для сожительницъ его: тогда онѣ, обыкновенно, дѣлались посговорчивѣе и поснисходительнѣе; а успѣвъ отобрать отъ него въ началѣ трети деньги, онѣ каждый разъ снова начинали неистовства свои, требуя еще болѣе и недовольствуясь тѣмъ, что получали. Проживъ такимъ образомъ лѣтъ десятокъ, Маркъ Павлычъ, наконецъ, отчасти, можетъ быть, и по моему совѣту, рѣшился обзавестись своей собственной хижинкой, чтобъ не быть въ

этой рабской зависимости, и жить пенсіей, которая по крайней мѣрѣ обезпечивала ему кусокъ хлѣба. Съ этимъ намѣреніемъ онъ вытащилъ изъ подъ спуда нѣсколько сотъ рублей, которые скопилъ, и началъ строго откладывать каждую треть частицу пенсіи, закупая при случаѣ дешевые строительные припасы и складывая ихъ на взятомъ отъ города пустырѣ. Марко Павлычъ, создавъ планъ свой въ головѣ и предоставивъ фасадъ судьбѣ и плотникамъ, въ годъ со днемъ срубилъ избу. Что ему доставалось за это самовольство — вы себѣ можете представить; но рѣшившись однажды, онъ бабамъ своимъ показалъ зубы, молчалъ и продолжалъ свое. Теща плакала навзрыдъ неутѣшно о томъ особенно, что домъ строился, по разнымъ соображеніямъ ея, на несчастномъ мѣстѣ и, между прочимъ, поставленъ былъ самою срединой своею тамъ, куда нѣкогда капало съ кровли, когда еще за память старыхъ людей, тутъ стояла какая–то избенка. Отъ этого, по твердому убѣжденію Крюкиной, нельзя было ожидать добра, и зятёкъ ея, какъ божилась

она всѣмъ сосѣдямъ, строилъ бѣду на свою голову и на гибель всего семейства.

«Между тѣмъ, постройка все подвигалась, домишко былъ вчернѣ конченъ, накатъ и полы настланы, кровля покрыта, и новая, опрятная наружность его начинала уже смирять нѣсколько Крюкину; она даже не разъ начинала поговаривать зятю, разумѣется, съ нѣжностью, со слезами: «Ну, что жь, Маркъ Павлычъ, власть Господня, домъ, такъ домъ — да вѣдь мы всѣ подъ Богомъ ходимъ: ты завтра помрешь — моей–то бѣдной головушкѣ что дѣлать тогда прійдется? Машенькѣ–то моей что достанется? а? хоть бы ты записалъ домъ–этъ на ея имячко — ась? Вѣдь она жена твоя, да, ребро твое.... охъ–охо! погубилъ ты у меня Машурку–ту, ей–Богу! утопила я ее за твоей безсчастною головою!

«Но въ одно лѣтнее утро, когда эта вѣдьма ходила любоваться втихомолку новымъ домомъ своимъ — а она уже считала его своимъ — она воротилась домой съ такимъ неистовымъ ревомъ, что и самъ

Маркъ Павлычъ, довольно попривыкшій уже къ подобнымъ явленіямъ, испугался на смерть. Дочь, не спрашивая, что сталось, принялась вторить матери, растворивъ, для простора, окна. — Что же случилось? — «Да въ новый домъ, въ которомъ окна еще не были вставлены, влетѣлъ пчелиный рой и привисъ гроздомъ къ потолку.» Это означало такое бѣдствіе, такое несчастіе, котораго невозможно было ни отплакать, ни отмолить. И все это она знала и говорила напередъ, когда только увидѣла, что домъ поставленъ былъ на несчастномъ мѣстѣ, на капели — да ее не послушались; теперь всѣ они погибнутъ.

«Кончилось тѣмъ, что новый домъ былъ брошенъ, а теперь, какъ вы видѣли, уже разрушается. Маркъ Павлычъ осунулся и опустился окончательно, подпалъ вовсе власти своихъ вѣдьмъ, прозябалъ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ ними въ старой, сгнившей избенкѣ, которая поросла грибами и плесенью по всѣмъ угламъ, и вотъ, къ общему удовольствію всѣхъ человѣколюбивыхъ жителей нашего

городка, на прошлой недѣлѣ отдалъ Богу душу. Миръ его праху! Теперь Крюкина съ дочерью служатъ по немъ паннихиды и оплакиваютъ, ревучи день деньской на весь кварталъ.»